

- Rasmussen K. Observations on the Intellectual Culture of the Caribou Eskimos. Copenhagen, 1930.
- Rodd F.R. People of the Veil. L., 1926.
- Schefold R. Lia. Das große Ritual auf den Mentawai-Inseln. Berlin, 1988.
- Schwab G. Tribes of Liberian Hinterland. Cambridge, 1947.
- Smith W.C. The Ao Naga Tribe of Assam. L., 1925.
- Speck F.G. Myths and Folklore of the Timiskaming Algonquin and Timagami Ojibwa. Ottawa, 1915.
- Spieth J. Die Ewe-Stämme. Berlin, 1906.
- Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966-1993.
- Vaiškūnas J. Etnoastronomia litewska // Etnolingvistika. 1999. Vol. 11. S. 165-175.
- Vathanaprida S. Thai Tales. Englewood, Colorado, 1994.
- Volpati C. Nomi romanzi degli astri Sirio, Orione, le Pleiadi e le Jadi // Zeitschrift für romanische Philologie. 1932. Bd. 52. S. 151-211.
- Volpati C. Nomi romanzi delle Orse, Boote, Cigno e altre costellazioni // Zeitschrift für romanische Philologie. 1933. Bd. 53. S. 449-507.
- Wichmann Y. Wotjakischer Wortschatz. Helsinki, 1987.
- Zsigmond C. Popular cosmology and beliefs about celestial bodies in the culture of the Hungarians from Romania // Acta Ethnographica Hungarica. 2003. Vol. 48. N 3-4. P. 421-439.

М.И. Василенко

БЕДУИНСКАЯ ПОЭЗИЯ КАК ГОСТЕПРИИМСТВО: КОФЕЙНАЯ ЦЕРЕМОНИЯ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке
РГНФ в рамках работы над проектом «Племенная
поэзия Аравии XX — начала XXI в. (Полевые
материалы: поэтика и социально-культурные
функции)», № 07-04-00383а.*

В культуре аравийских кочевников процесс приготовления, подачи и употребления кофе — не просто элемент сферы жизнеобеспечения. Кофе значим также в соционормативной и гуманитарной сферах, поскольку тесно связан с обычаем гостеприимства. Понять это позволяют бедуинские стихи, воспевающие гостеприимство и кофе. Нередко исполнение поэтических произведений включается в кофейную церемонию.

Аравийские кочевники уже в древности ценили кофе и считали, что у благородного, богатого и гостеприимного хозяина он должен быть хорошего качества. Когда в бедуинской поэзии человек прославляется за щедрость, похвала может содержать упоминания качественного или хорошо приправленного кофе. К примеру, согласно современному толкователю,

панегирист VI в. по прозвищу ал-А'ша (букв. «подлеповатый»), прославляя персидского царя, к которому часто ездил в качестве посла от хирского правителя, упоминал его кофе: «От кофе, что оказался у персов лучшего качества, // Оставляя слугу [в гостях] у царя склоняться [рядом с ним], докучая [разговорами]». Пример из бедуинской поэзии XX в.: поэт из племени давасир (южный Неджд), прославляя в стихах родственников, просил Аллаха отвести беду от «людей, наливающих чашку за чашкой хорошо приправленный кофе, не обращая внимания на его цену».

Один из показателей гостеприимности бедуина — готовность принадлежностей, необходимых для приготовления кофе (кофейник *бакрадж*, сковородка для обжаривания зерен *михмас*, ступка *ниджер* и пестик *'азам*). Не случайно среди прочих формул для обозначения гостеприимности племени в бедуинской поэзии есть и такая: «Ты найдешь их кофейники над ямой для огня».

В Негеве считается нормальным, если гость выпивает три чашечки кофе. У каждой из трех чашечек есть традиционное название, похожее на короткий тост. Три «тоста» рифмуются между собой. Первую пьют «за гостя» (*дайф*), вторую — «за меч» (*сайф*, т.е. за военную мощь племени, гарантирующую безопасность его членам и гостям), третью — «для удовольствия» (*кайф*). В поэтических текстах можно встретить упоминание разного количества чашечек. В одной из поэм недждийского бедуина по прозвищу Диндан есть упоминание двух: «Испугавшись [длинной] тени дерева, когда наездники к вечеру останавливаются на две порции кофе, // верблюдицы учатся пересекать лишенные примет долины быстрым шагом». Вряд ли бедуины Саудовской Аравии привыкли подавать гостям меньше кофе, чем бедуины Негева. Возможно, Диндану просто было удобно сказать так, как он сказал, чтобы не нарушить ритм. В поэме с Синайского полуострова обнаружилось указание на четыре чашки: «И [я тоскую] по четырем курейшитским [чашкам кофе, высоким], подобно журавлям, // напиток в них [остается] чистым [когда] дождь [попадает] в кувшин. / С их специями из Индии — с востока — // из Саны они пребывают, из жарких стран». «Курейшитскими» бедуины называют кофейные чашки из Мекки (где обитает племя курейш, из которого происходил пророк Мухаммад). Они имеют вытянутую форму и сильно сужены кверху. Кардомон для кофе бедуины получают из Йемена, куда он попадает из Индии.

В поэтической системе аравийских кочевников есть особые кофейные стихи. Они очень информативны во всем, что касается кофейной церемонии. Многие детали обряда отражены в тексте, и потому стихи позволяют реконструировать ритуал приготовления и подачи кофе, даже если произведение исполняется в отрыве от ритуала: в данном случае это не означает в отрыве от бытового применения. Кофейными стихами и сегодня сопровождается подача кофе, но ритуал, описываемый текстом, при этом не соблюдается.

Традиционно кофейные стихи начинаются с обращения по имени к младшему соплеменнику с просьбой встать и приготовить кофе. Далее следует часть, посвященная процессу приготовления (наставления, как готовить), и часть, посвященная подаче (наставления — кому и сколько налить). В своей основе кофейное стихотворение — это практическое вербальное действие: взрослый бедуин на самом деле может попросить юношу приготовить напиток, объясняя, как это сделать и кому его подать. Однако на практике произведение далеко не всегда исполняется как просьба, предшествующая действию. Зачастую оно сопровождает действие, при чем вне зависимости от того, кто его выполняет. Дело не в том, что без поэтического руководства кофе приготовить не смогут: просто гостям, перед которыми исполняют произведение, дают понять, что кофе приготовлен правильно. Фактически они могут и не видеть, как это происходит, а упомянутый юноша-кофевар может отсутствовать. Тем не менее канон кофейного стихотворения, представляющий собой внутритекстовый обряд, сложился и довольно устойчив. Приведем пример кофейного стихотворения:

Встань, приготовь чашечку [кофе], как мне нравится, о'Ид!
В кофейниках, похожих на черных, жирных гусей.
Жарь и украшай [зерна], как мне хочется,
И пусть ступка позовет, чтобы очнулись сонные люди.
Они придут на ее голос, бездельничающие дома,
Люди, [которые скажут]: «Мир тебе! Да укрепит тебя [Аллах], и
хорошего самочувствия [тебе]!».

Приправь его (кофе) девятью зернами кардамона и добавь
Шафрана. Когда он (кофе) настоится в красивых чашечках
На украшенном подносе, тогда подай его героям,
И вернись с ним к тому, кто [остается] щитом для беглецов,
К тому, кто смачивает [кровью] свое копье в битве
Ради взора той, чьи локоны спадают ниже талии,
Дочери вождей, окрашивающих [кровью] свое стальное оружие.

.....
А еще одну налей тому, кто, когда к нему заходят, возвращаясь
после набега,

Юноши с верблюдами, тощими и уставшими,
Поднимает брови от радости, особенно если [они вернулись]
героями,

Он не то, что притворствующие лжецы.

Поэма раскрывает целый ряд бытовых подробностей, связанных с культурой кофе. Металлические кофейники, в которых бедуины варят напиток, резко выпуклы в нижней части и черны от копоти. Именно поэтому они напомнили стихотворцу диких гусей, черных и жирных.

Попросив «украсить кофе», бедуин имеет в виду, что нужно очистить от отслаивающейся шелухи подгоревшие зерна перед тем, как растолочь их в ступе. Это делается затем, чтобы горелая шелуха не попала в напиток. Когда кто-либо начинает толочь зерна, бедуины вокруг шатра понимают, что скоро появится свежий кофе, и приходят, произнося приветствия и теплые слова в адрес того, кто готовит напиток, чтобы он налил и им тоже. Бедуины племени руала, которое изучал чешский ученый А. Мюзиль, добавляют в варящийся кофе девять зерен кардамона и щепотку шафрана. Кардамон придает напитку специфический горьковатый вкус, а шафран — приятный желтый цвет. Перед тем, как подать кофе, ему дают настояться.

Практический смысл кофейных стихов чрезвычайно широк. С их помощью гостей, ожидающих напиток, развлекают пением. С их помощью прославляются почетные гости (те, кому кофе будет налит первым). При этом прославления в стихах соотносятся с похвалами на невербальном «языке кофе», а поэтические осмеяния — с презрением, выраженном на том же языке. Покажем, о чем идет речь, объяснив следующее стихотворение:

Встань, приготовь кофе, что окрашивает чашки, о Зийаб,
В кофейниках, напоминающих жирных черных гусей.
И жарь его до тех пор, пока не исчезнет испарина на зернах,
И делай так, чтобы привлечь тех, кто будет пить.
Ступка пылает гневом от непрекращающихся ударов,
Кланяясь, будто ей так велят традиции и долг.
О, скажи, что он (кофе) окрашивает внутренность чашки в желтый
[цвет],

Словно [растение] варс, [окрашивающее] ткань [для одежды]
красавиц.

Налей его [сперва] тому, кто водил молодых [воинов] за рубежи
К месту битвы, где насыщаются [множеством трупов] грифы и
волки.

И наливай заново тому, кто, когда верблюдов находят конные
воины [врага],

Рискует жизнью из-за верблюдов, [несущих] красавиц.

Наливай еще и еще тому, у кого наездники

Найдут дом, подобный лавке мясника.

Остальным согрей гущу, даже если она будет серой,

[Потому что] они толкаются на местах [для мужчин], как ослы,
[понимающие лишь] палки,

В момент сражения они готовы помочь лишь кочергой,

Хвастуны, пренебрегающие долгом.

Мелкие капельки на сырых кофейных зернах напоминают испарину, и кофе обжаривают до тех пор, пока они не исчезнут. Давая наставления тому, кто должен приготовить кофе, поэт на самом деле дает понять гостям,

что зерна были обжарены хорошо. Для гостей, возможно, этот этап пройден, но они слышат приказ поэта, будто зерна только будут обжаривать. Одна строка посвящена перемалыванию зерен, чтобы и этот этап процесса не был скрыт от слушателей, даже если они его не наблюдали лично.

Свежий густой и хорошо приправленный кофе должен оставлять темно-желтые разводы внутри белой чашки. Призывая готовить кофе «окрашивающий чашки» (первая строка) и объявить, что он окрашивает внутренности чашек именно в желтый цвет (четвертая строка), поэт дает понять гостям, что их ждет благородный напиток. Достанется он, правда, не всем.

Почетное право получить кофе первым — у предводителя воинов, неотъемлемое и первоочередное право на добавку — у того, кто известен своей храбростью, защищая груженных верблюдиц, когда нападают конники врага (сражается с ними, он позволяет соплеменникам с груженными верблюдами отступить). Больше кофе имеет право выпить хозяин шатра, принимающий бедуинов, вернувшихся после набега или сражения. Таким образом, тот, угощает всех напитком, через «язык кофе», хорошо понятный всем бедуинам, восхваляет носителей двух важнейших моральных ценностей: отваги и гостеприимства. Параллельно восхваление происходит в стихах. Получается, что похвала участникам церемонии (как и предшествующий ей процесс приготовления кофе!) исполняется и вербально, и невербально.

Сказав, что шатер хозяина «похож на лавку мясника», поэт изображает его сказочно гостеприимным. Ведь только самый радушный бедуин готов забить овцу вернувшимся голодным воинам. Стихи дают понять, что хозяин шатра, угощающий вернувшихся воинов, и бедуин, угощающий их кофе, — это зачастую разные люди.

Тем, кто не принимал участия в набеге и просто пришел отведать кофе «за компанию», достается подогретая гуща, разбавленная водой. Таким образом, пренебрежение к трусам также высказывается с помощью «языка кофе». Несложно заметить, что они высмеиваются и в тексте стихов.

Внутритекстовой и реальной процессы приготовления кофе смыкаются в лице того, кто сидит за ступкой для размалывания кофейных зерен. Исполнение произведения сопровождается игрой на ней, и получается, что предмет параллельно выполняет функции кухонного прибора и музыкального инструмента. Одно и то же действие участника представления направлено одновременно и на приготовление напитка, и на создание произведения о нем.

Изучение кофейных стихов позволяет проследить, как гостеприимство одновременно высказывается внутри текста (вербально) и фактически (акционально).

Библиография

Bailey Clinton. Bedouin Poetry from Sinai and the Negev: Mirror of a Culture. Oxford University Press, 1991.

Bailey Yitzḥaq. ʿAraḳīm kḥebratīm ba-širā ha-bedwīt // Rešimōt be-nōsē' ha-bedwīm. Midrešet Sde-Boqer, 1971. № 3.

Kurpershoek P. Marcel. Oral Poetry and Narratives from Central Arabia // The Poetry of Ad-Dindān (A Bedouin Bard in Southern Najd). Leiden, New York, Koln, 1994.

Musil Alois. The Manners and Customs of the Rwala Bedouins. N.Y., 1988.

Я.В. Васильков

ОБ ОДНОМ СПОСОБЕ ОРГАНИЗАЦИИ САКРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В ИНДИЙСКОЙ ПРАКТИКЕ ПАЛОМНИЧЕСТВА

Паломничество было издревле и по сей день остается важнейшим элементом религиозной практики в Индии. Корни его уходят одновременно и в доарийскую цивилизацию долины Инда с ее культом очистительных вод, и в архаические индоарийские традиции (подробнее см.: [Vassilkov 2002: 133-135]). Задолго до того, как институт паломничества оказался поневоле признан ведийским жречеством, он уже выполнял одну из своих существенных функций — функцию интеграции социума. Даже на уровне племенного общества, когда, допустим, в силу ротации центра сакральной власти от одной деревни к другой происходил регулярный циклический обмен паломническими визитами между деревнями, это способствовало укреплению связей и сплочению племени.

Но в Индии известны и случаи, когда паломничество играло подобную роль и на региональном уровне. Так, принято считать, что традиции, связанные с паломничеством в Пандхарпур и культом Витхобы содействовали «консолидации маратхиязычного региона, в результате чего оказалась возможной последующая успешная деятельность Шиваджи по созданию Государства маратхов» [Глушкова 2000: 216]. А намного раньше, в древности, примерно в первые века н.э., институт паломничества существенно способствовал консолидации индийской культуры в пределах практически всего субконтинента. Сейчас можно считать доказанным, что великая индийская эпопея «Махабхарата», в содержании которой героика сочетается с религиозно-философской дидактикой, сформировалась в таком виде именно в тиртгах — святых местах, где во время сезона дождей скапливались массы паломников и где счастливым для судьбы эпопеей образом временно совпали интересы певцов (носителей традиции, нуждавшихся в располагавшей свободным временем аудитории) и местных жрецов-брахманов, использовавших эпос для популяризации в народе